

Жизнь пчел

Часть I

НА ПОРОГЕ УЛЬЯ

I

Я не намерен писать трактата по пчеловодству или руководства по уходу за пчелами. Все цивилизованные страны уже владеют превосходными руководствами, которые было бы бесполезно переделывать: Франция — Дадана, Жоржа де Лайенса и Бонне, Бертрана, Гаме, Вебера, Кемана, аббата Коллена и т. д.; страны, говорящие на английском языке, имеют руководства Лангстрота, Бивана, Кука, Чешайра, Кована, Рута и их учеников. Германия имеет Дzierзона, Ван-Берлепша, Поллмана, Фогеля и многих других.

Но моя книга не будет также ни научной монографией об *Apis mellifica*, *ligustica*, *fasciata*¹ и т. д., ни сборником новых наблюдений или исследований. Я не скажу почти ничего, что не было бы известно всем, хоть сколько-нибудь имевшим дело с пчелами. Чтобы не загромождать слишком этого труда, я оставил до другой, предназначенной уже для специалистов, работы целый ряд опытов и наблюдений, сделанных мною в течение двадцати лет занятий пчеловодством, — наблюдений, слишком специальных и потому имеющих слишком ограниченный интерес. Я просто хочу говорить о «белокурых пчелах» Ронсара, как говорят о предмете, который знают и который любят, тем, кто его со-

¹ *Apis mellifica* — Медоносная пчела; *Apis ligustica* — Итальянская пчела; *Apis fasciata* — Египетская пчела. — Примеч. ред.

всем не знает. Я не имею желаний ни подкрашивать истину, ни быть в числе тех занимавшихся пчелами лиц, которых справедливо упрекал Реомюр в замене действительно чудесного нравившимся им чудесно-фантастическим. В улье много чудесного, но это не основание для преувеличений. Кроме того, я уже давно отказался искать в этом мире более интересное и более прекрасное чудо, чем истина или чем усилие человека ее постигнуть. Не будем тратить сил на поиски величия жизни в неведомом. Вещи, самые обычные, полны величия, и мы до сих пор не исследовали основательно ни одной из них. Я буду говорить поэтому только о фактах, или проверенных мною лично, или таких, проверка которых являлась излишнею ввиду их полной установленности в апидологии. Моя задача ограничивается тем, чтобы представить факты столь же научно, но в более живой форме, связать их с некоторыми более глубокими и более свободными о них размышлениями и придать им очертания более гармоничные, чем то возможно сделать в руководстве, в практическом учебнике или научной монографии. Кто прочтет эту книгу, тот не будет в состоянии руководить ульем, но он узнает приблизительно все, что известно об его обитателях достоверного, любопытного, интимного и глубокого. Но все это, конечно, ничто в сравнении с тем, что еще останется ему изучить. Я обойду молчанием все традиционные заблуждения, которые еще до сих пор составляют легенду улья в деревнях и во многих сочинениях. Когда явится сомнение, разногласие, гипотеза, когда я столкнусь с неизвестным — я честно сознаюсь в этом. Вы увидите, что нам часто придется останавливаться перед неизвестным. Кроме крупных и значительных актов внутреннего управления и деятельности легендарных дочерей

Аристей¹, о них не известно ничего вполне достоверного. По мере того как улучшается культивирование пчел, все больше приходится убеждаться в незнании подлинных глубин их существования; но такое незнание уже само по себе лучше бессознательного и самодовольного невежества, которое составляет основу нашей науки о жизни. Да, по всей вероятности, этим и ограничивается все, на что человек может надеяться узнать в этом мире.

Существует ли еще труд о пчелах, подобный настоящему? Что касается меня, то я не знаю ничего в этом роде, — хотя думаю, что я прочел приблизительно все, что о них писалось, — кроме главы, посвященной этому предмету Мишле в конце его книги «Насекомое», и этюда на ту же тему знаменитого автора «Силы и материи» Людвига Бюхнера, в его книге «Geistesleben der Thiere»². Мишле едва коснулся этого предмета, а что касается Бюхнера, то его этюд довольно полон, но, прочитавши рискованные утверждения, легендарные факты, ссылки на давным-давно отброшенные источники, я подозреваю, что он никогда не выходил из своей библиотеки, дабы спросить непосредственно своих героинь, никогда не открывал ни одного из тех сотен шумных, охваченных крыльями, как пламенем, ульев, в которые необходимо проникнуть, прежде чем наш инстинкт приспособится к их тайне, прежде чем удастся напитаться атмосферой, ароматом, духом и таинствами трудолюбивых девственниц. В книге Бюхнера нет аромата меда и духа пчел; она страдает тем же недостатком, как и многие наши ученые книги, в которых

¹ *Аристей* — сын Аполлона, по мифическому преданию, научил людей пчеловодству. — *Примеч. перев.*

² «Разумная жизнь животных» (нем.). Можно было бы еще указать на монографию Кирби и Спенса в их «Introduction to Entomology» («Введение в энтомологию»), но она почти исключительно технического характера. — *Примеч. авт.*

выводы часто предвзяты и научное построение которых есть не что иное, как огромное нагромождение недостоверных анекдотов, взятых где попало. Но мне редко придется встречаться с ним в своем труде, потому что наши отправные пункты, наши точки зрения и наши цели совершенно различны.

II

Библиография пчел — одна из наиболее обширных (мы начнем с книг, чтобы скорее от них отделаться и направиться к самому источнику этих книг). Это маленькое странное существо, живущее обществом, управляемое сложными законами и совершающее во мраке удивительные работы, привлекало к себе с незапамятных времен внимание человека. Аристотель, Катон, Варрон, Плиний, Колумелла, Паладиус занимались пчелами, не говоря уже о философе Аристомaxe, который, по словам Плиния, наблюдал их в течение пятидесяти восьми лет, и о Филиске из Тазоса, который жил в пустынных местах, чтобы не видеть никого, кроме пчел, и был прозван Диким. Но именно у них-то и находится легенда о пчелах и все, что оттуда можно извлечь, то есть нечто, почти равное нулю, изложено вкратце в четвертой книге «Георгик» Вергилия.

История пчелы начинается только в XVII веке с открытиями великого голландского ученого Шваммердама. Однако необходимо прибавить и еще одну малоизвестную подробность, а именно: еще до Шваммердама фламандский натуралист Клутиус высказал несколько важных по этому поводу истин и между прочим, что царица является единственной матерью всего ее народа и что она обладает атрибутами обоих полов; но он этого не доказал. Шваммердам изобрел истинные методы научного наблюдения, создал микроскоп, придумал сохраняющие инъекции, первый анатомировал пчелу,

установил открытием яичников и яйцевода окончательно пол царицы, которую до тех пор считали царем, и пролил неожиданным лучом свет на все внутренние отношения улья, как основанные на материнстве. Наконец, он сделал разрезы и дал рисунки, настолько совершенные, что они еще и теперь служат иллюстрацией для многих трактатов по пчеловодству. Он жил в шумном и беспокойном Амстердаме, сожалея о «мирной деревенской жизни», и умер в сорок три года, изнуренный трудом. Он сообщил свои наблюдения в большом труде «*Bybel der Natuure*»¹, написанном в благочестивом и точном стиле. В этой книге прекрасные и простые порывы веры, которая боится быть поколебленной, относят все к славе Создателя; столетием позже она была переведена доктором Бергавом с нидерландского языка на латинский под заглавием «*Biblia Naturae*» (Лейден, 1737).

Затем следует Реомюр, который, оставаясь верным тем же методам, сделал в своих шарантонских садах множество любопытных опытов и наблюдений над пчелами и отвел им целый том своей «Истории насекомых». Его можно прочесть с пользой и без скуки. Изложение книги ясно, положительно, искренно и не лишено известной прелести, хотя немного грубоватой и немного сухой. Он особенно стремился разрушить большое количество древних заблуждений, распространил несколько новых, отчасти разъяснил образование роя, политический режим цариц — одним словом, нашел несколько трудных истин и навел на след многих других. Своими исследованиями он особенно утвердил чудеса архитектуры улья, и все, что он об этом говорит, никем не было сказано лучше. Ему также обязаны идеей стеклянных ульев, которые потом, будучи еще более усовершенствованны, обнажили всю скрытую жизнь этих ретивых работниц, начинающих свое дело в ослепитель-

¹ «Библия природы» (голл.).

ном сиянии солнца и завершающих его только во тьме. Я должен был бы для полноты предмета назвать еще изыскания и работы более поздних исследователей — Шарля Бонне и Шираха (который разрешил загадку царского яйца), но я ограничусь только главным и укажу на Франсуа Губера, учителя и классика науки о пчелах наших дней.

Губер, родившийся в Женеве в 1750 г., ослеп еще в ранней молодости. Заинтересованный сначала опытами Реомюра, которые он хотел проверить, он скоро пристрастился к этим исследованиям и с помощью разумного и преданного слуги, Франсуа Бюрненса, посвятил всю свою жизнь изучению пчелы. В летописях человеческих страданий и побед нет ничего более трогательного и более поучительного, чем история этого терпеливого сотрудничества, где один, видевший только духовный свет, руководил умом, руками и глазами другого, наслаждавшегося светом реальным; где человек, никогда, как уверяют, не видевший собственными глазами медового сота, тем не менее провидел сквозь пелену своих мертвых очей — удваивавшую ту пелену, которую природа окутывает все существующее, — самые глубокие тайны гения, созидавшего этот невидимый исследователем медовый сот; все это совершалось как бы для того, чтобы показать нам, что нет такого положения, при котором мы должны отказаться от надежды обрести истину. Я не буду перечислять, чем обязана наука о пчелах Губеру, я скорее мог бы указать, чем она ему не обязана. Его «Новые наблюдения над пчелами» остались обильным и верным сокровищем, из которого черпают многое все исследователи пчел; первый том этого сочинения был написан в 1789 г. в форме писем к Шарлю Бонне, а второй появился только двадцать лет спустя. Правда, там встречается несколько ошибок, несколько несовершенных истин; со времени его книги было много прибавлено в микрографии, в практической культуре пчел, в способах обращения

с царицами и т. д., но ни одно из его главных наблюдений не было опровергнуто или признано неверным: они остаются неприкосновенными в наших современных опытах и составляют их основу.

III

После открытий Губера идет несколько лет молчания; но скоро Дzierзон, священник в Карлсмарке (в Силезии), открывает партеногенезис, то есть девственное деторождение цариц, и изобретает первый улей с подвижными сотами, благодаря которым пчеловод мог отныне брать свою долю сбора, не предавая смерти свои лучшие колонии и не уничтожая в одно мгновение работу целого года. Этот улей, еще очень несовершенный, был чрезвычайно усовершенствован Лангстротом, который изобрел собственно подвижные рамы, с необыкновенным успехом распространенные в Америке. Рут, Куинби, Дадан, Чешайр, де Лайенс, Кован, Геддон, Говард и др. вносят в это изобретение еще несколько драгоценных улучшений. Чтобы избавить пчел от выработки воска и постройки магазинов, на что им приходится тратить много меду и самое лучшее время, Меринг придумал давать пчелам механически приготовленные восковые соты, которые немедленно принимаются пчелами и приспособляются к их нуждам. Грушка изобретает «медокачку», которая применением центробежной силы позволяет извлекать мед, не разбивая сот, и т. д. В несколько лет рутина пчеловодства разрушена; продуктивность и плодовитость улья утроены; везде устраиваются обширные и производительные пчельники. С этой минуты прекращаются бесполезные избиения самых трудолюбивых поселений и безобразный обратный подбор, являвшийся следствием таких избиений. Человек действительно становится господином пчел, господином тайным и неведомым, который всем

управляет, не давая приказов, и держит все в повиновении, оставаясь неузнанным. Он вводит свою волю туда, где раньше все находилось в зависимости от сезона; он исправляет недочеты всего года; он соединяет враждебные республики; он уравнивает богатства; он увеличивает или сокращает число рождений; он регулирует плодовитость царицы; он ее свергает с трона и замещает другою, вырывая ловкостью трудно дающееся на это согласие народа, который возмущается при одном подозрении о непонятном вмешательстве. Найдя это нужным, он мирно нарушает тайну священных покоев и всей хитрой и предусмотрительной политики царского гинекея. Он по пять-шесть раз подряд отбирает плоды трудов этих сестер доброй неутомимой обители, не нанося им вреда, не отнимая у них мужества и не доводя их до разорения. Он соразмеряет склады и житницы их жилищ с жатвою цветов, рассыпанных весною в ее торопливом движении по склонам холмов. Он заставляет их сократить пышный штат возлюбленных, ожидающих рождения принцесс. Одним словом, он делает с ними что хочет и получает от них то, что требует, с тем, однако, условием, чтобы его требование подчинялось их свойствам и их законам, потому что поверх воли этого неожиданного бога, который завладел ими, поверх этой воли — слишком обширной, чтобы быть замеченной, и слишком чуждой, чтобы быть понятой, — пчелы видят дальше, чем видит сам этот бог, и в своем непоколебимом самоотречении они думают только о выполнении таинственного долга их расы.

IV

Теперь, когда книги уже сказали нам все, что они имели сказать нам существенного относительно всей древней истории пчел, оставим науку, приобретен-

ную другими, и взглянем на пчел нашими собственными глазами. Один час, проведенный среди пчельника, покажет нам вещи, может быть, менее точные, но бесконечно более живые и плодотворные.

Я еще не забыл первый пчельник, который я видел и по которому научился любить пчел. Это было уже много лет тому назад в простой деревушке зеландской Фландрии — опрятной и грациозной Фландрии, которая, еще больше, чем сама Зеландия, этот рефлектор Голландии, сконцентрировала в себе вкус к ярким цветам и ласкает глаз своими, подобными красивым и серьезным игрушкам, башнями и остроконечными крышами, своими ярко раскрашенными тележками, своими блестящими в глубине коридоров шкапами и стенными часами, своими маленькими, вытянувшимися вдоль набережных и каналов, как будто в ожидании наивной и благодетельной церемонии, деревьями, своими с разукрашенной кормой барками и лодками, своими дверьми и своими окнами, подобными цветам, своими безукоризненными шлюзами, своими миниатюрными и разноцветными подъемными мостами, своими отполированными, как изящная и сверкающая утварь, домиками, откуда выходят, украшенные золотом и серебром и похожие на колокольчики, женщины, отправляющиеся доить коров в окруженные белыми оградами луга или растягивать белье на ковре из вырезанных овалами и ромбами нежно-зеленых и усеянных цветами лужаек.

Там укрылся старый мудрец, довольно похожий на старца Вергилия.

Равный царям человек и подобный богам,
И, подобно последним, спокойно довольный,

сказал бы Лафонтен; он скрылся туда, где жизнь казалась бы более узка, чем в других местах, если бы действительно было возможно сузить жизнь. Там он устро-

ил себе убежище не потому, что получил отвращение к жизни — мудрый не знает такого сильного отвращения, — а потому, что немного устал вопрошать людей, отвечающих менее просто, чем животные и растения, на единственные интересные вопросы, которые можно поставить природе и действительным законам. Все его счастье, как и у скифского философа, заключалось в красотах сада, и между этими красотами наиболее любимой и чаще всего посещаемой был пчельник, состоявший из двенадцати соломенных ульев в виде колокола, раскрашенных им — одни в ярко-розовый, другие в светло-желтый, а большинство — в нежно-голубой цвет, потому что он заметил, гораздо раньше опытов сэра Джона Леббока, что голубой цвет наиболее любим пчелами. Он устроил этот пчельник у выбеленной стены дома, в углу, образованном кухней — аппетитной и свежей голландской кухней с фаянсовыми полками, где сверкает оловянная и медная посуда, отражающаяся через открытую дверь в спокойном канале. А полная безыскусственных образов вода направляла под завесою из тополей взгляд, который успокаивался на горизонте картиною лугов и мельниц.

В этом месте, как и везде, где помещаются ульи, они придавали новое значение цветам, тишине, мягкости воздуха, солнечным лучам. Там в некотором роде постигался праздник лета. Там можно было отдохнуть на сверкающем перекрестке, где сходились и откуда расходились воздушные пути, по которым с утренней зари и до сумерек носятся, хлопотливые и звучные, все ароматы деревни. Там можно было услышать счастливую и видимую душу, разумный и мелодичный голос, очаг веселья прекрасной поры сада. Там, в этой школе у пчел, мы узнаем заботы всемогущей природы, светлые отношения трех ее царств, неиссякаемое образование жизни, нравственность пылкого и бескорыстного труда, и —

что так же хорошо, как и нравственность труда, — там героические работницы научают ценить немного смутную сладость досуга, подчеркивая, так сказать, огненными чертами своих тысяч маленьких крыльев почти невыразимую усладу этих непорочных дней, вращающихся вокруг себя в пространстве, не принося с собою ничего, кроме прозрачного, лишённого частичных очертаний, круга, подобно слишком чистому счастью.

V

Для того чтобы проследить как можно проще историю целого года жизни улья, мы возьмем один просыпающийся весною и принимающийся за работу улей. И мы увидим, как перед нами развернутся в своем естественном порядке великие эпизоды жизни пчел, а именно: образование и отлет роя, основание нового поселения, рождение, битвы и брачный полет молодых цариц, избиение трутней и возвращение к зимней спячке. Каждый из этих эпизодов сам собой принесет необходимые разъяснения относительно законов, особенностей, привычек, событий, которые его вызывают или сопровождают, так что в течение короткого пчелиного года, деятельность которого ни в каком случае не простирается больше как с апреля до конца сентября, мы встретимся со всеми тайнами медвяного дома. В данную же минуту, прежде чем открыть улей и бросить туда общий взгляд, достаточно сказать, что он состоит из царицы, матери всего народа, из тысячи работниц, несовершеннолетних и бесплодных самок, и, наконец, из нескольких сотен трутней, из среды которых будет избран единственный и несчастный супруг будущей государыни, избранной работницами после более или менее добровольного удаления царствующей матери.

Открывая в первый раз улей, вы испытываете некоторое волнение; оно подобно тому, какое пришлось бы испытать при насильственном проникновении в неведомую, быть может полную страшных неожиданностей, область, например в могилу. Вокруг пчел сложилась грозящая опасностями легенда. Тут же приходит на память нервическое воспоминание об их уколах, производящих ту особенную боль, которую не знаешь с чем и сравнить; можно бы сказать — жгучую сухость, что-то вроде пламени пустыни, разлившегося в пораженном месте; как будто наши дочери солнца извлекли из раздраженных лучей своего отца воспламеняющийся яд, дабы лучше защищать сокровища сладости, собранные ими в их благодетельные часы.

Правда, если улей откроет, без соблюдения предосторожности, человек, не знающий и не уважающий характера и нравов его обитателей, то этот улей в одно мгновение обратится в пылающий куст гнева и героизма. Но нет ничего легче, как приобрести маленькую ловкость, необходимую для безнаказанного обращения с ульем. Достаточно немного дыма, пущенного кстати, большого количества хладнокровия и мягкости — и хорошо вооруженные работницы позволяют себя грабить, не думая выпускать жала. Они не признают своего повелителя, не боятся человека, но запах дыма и медленные жесты рук,двигающихся в их жилище, не угрожая им, заставляют их вообразить, что это не нападение и не сильный враг, против которого возможно защищаться, а что-то вроде силы или катастрофы природы, которой надлежит подчиниться. Вместо того чтобы бесполезно бороться, полные предвидения, которое их обманывает, потому что они смотрят слишком далеко, пчелы хотят, по крайней мере, спасти будущее и броса-

ются на запасы меда, чтобы там почерпнуть и спрятать в самих себе материал для немедленного основания где придется нового города, если старый будет разрушен и предстанет необходимость его покинуть.

VII

Профан, перед которым открывают наблюдательный улей¹, сначала бывает довольно разочарован. Его уверяли, что этот стеклянный ящик заключает в себе беспримерную деятельность, бесконечное число мудрых законов, удивительную массу гениальности, тайн, опыта, расчета, науки, различных искусств, предусмотрительности, уверенности, разумных привычек, странных чувств и добродетелей. И он не находит там ничего, кроме неопределенной кучи маленьких рыжеватых ягод, довольно похожих на зерна жареного кофе или на сухой виноград, скученный около стекол. Эти бедные ягоды больше мертвы, чем живы; они сотрясаются медленными, бессвязными, непонятными движениями. Он не узнает в них очаровательных капель света, которые только что без усталости погружались и подымались в оживленном дыхании тысяч распутившихся чашечек, полных жемчуга и золота.

Они дрожат во тьме. Они задыхаются в окоченевшей толпе, как будто больные пленницы или свергнутые королевы, которые имели одно мгновение блеска среди сверкающих цветов сада, а потом сейчас же воз-

¹ *Наблюдательным ульем* называют улей со стеклянной стенкой, снабженной черными занавесками или ставнями. Самые лучшие имеют только один сот, что позволяет наблюдать его с двух сторон. Можно без опасности и без неудобств устанавливать эти ульи, снабженные выходом наружу, в салоне, библиотеке и т. д. Пчелы, живущие в улье, устроенном в моем рабочем кабинете в Париже, находят в каменистой пустыне большого города чем жить и процветать. — *Примеч. авт.*

вратились к постыдной нищете их угрюмого загроможденного жилища.

Но здесь происходит то же, что и со всякою глубокою действительностью. Нужно научиться ее наблюдать. Обитатель какой-нибудь планеты, который увидел бы, как люди почти незаметно движутся взад и вперед по улицам, собираются в кучу вокруг некоторых зданий или на некоторых площадях, ждут неизвестно чего, без видимого основания, в глубине своих жилищ, — этот обитатель сделал бы из всего замеченного также заключение, что люди инертны и жалки. Только мало-помалу можно распознавать многосложную деятельность в этой инертности.

Действительно, всякое из этих маленьких зерен, почти неподвижных, работает безостановочно и занимается особым ремеслом. Ни одна из пчел не знает отдыха, и те, например, которые выглядят совсем спящими и висят у стекол мертвыми гроздьями, выполняют наиболее таинственную и утомительную задачу: они вырабатывают и выделяют воск. Но мы еще скоро вернемся к частностям этой единоклюнной деятельности. В данную минуту достаточно обратить внимание на существенную черту природы пчел, которая объясняет необыкновенное скучивание во время их темной работы. Пчела прежде всего и еще больше, чем муравей, — существо общественное. Она не может жить иначе, как в обществе других. Когда пчела выходит из улья, где так тесно, что она головой должна пробивать себе путь через живые стены, которые ее окружают, она выходит из своей собственной стихии. Она на мгновение погружается в пространство, полное цветов, как пловец ныряет в океан, полный жемчуга; но под угрозой смерти необходимо, чтобы она через правильные промежутки возвращалась подышать толпой, точно так же как пловец возвращается подышать воздухом. Находясь в одиночестве, пчела погибает через несколько дней имен-

но от этого одиночества. Тут не помогут ни обильная пища, ни самая благоприятная для ее жизни температура. Многочисленное скопление, улей выделяют для нее невидимую пищу, столь же необходимую, как и мед. К этой потребности нужно обратиться, чтобы выяснить дух законов улья. В улье индивид — ничто, он имеет только условное существование, он — только безразличный момент, окрыленный орган рода. Вся его жизнь — это полная жертва существу бесчисленному и непрерывно возобновляющемуся, часть которого он составляет. Любопытно установить, что не всегда было так. Еще до настоящего времени среди медоносных перепончатокрылых встречаются все стадии прогрессивной цивилизации нашей домашней пчелы. Внизу лестницы она работает в одиночку, в нищете; часто она даже не видит своего потомства, иногда живет среди тесной семьи, созданной ею в течение года, затем образует временные ассоциации и, наконец, переходя со ступени на ступень, доходит до почти совершенного, но безжалостного к индивиду общества наших ульев, где индивид совершенно поглощается республикой и где республика, в свою очередь, постоянно приносится в жертву абстрактному и бессмертному обществу будущего.

VIII

Не станем торопиться делать на основании этих фактов заключения, применимые к человеку. Человек имеет способность не подчиняться законам природы; и вопрос о том, прав он или нет, пользуясь этой способностью, является одним из наиболее серьезных и наименее выясненных пунктов его нравственного бытия. Но от этого не становится менее интересным уловить волю природы в ином, отличающемся от нашего, мире; по-видимому, эта воля обнаруживается вполне

определенно в эволюции перепончатокрылых, которые после человека являются среди обитателей земного шара существами, наиболее одаренными интеллектом. Природа, видимо, стремится к улучшению рода, но она в то же время показывает, что не желает этого или не может этого достигнуть иначе, как в ущерб личной свободе, правам и счастью индивида. По мере того как общество организуется и развивается, частная жизнь каждого из его членов суживается. Везде, где замечается прогресс, он является результатом все более и более полного принесения личного интереса в жертву общему. Сначала нужно, чтобы каждый отказался от пороков, которые являются актами независимости. Так, на предпоследней ступени пчелиной цивилизации находятся шмели, которые еще похожи на наших антропофагов. Взрослые работницы постоянно бродят вокруг яиц, чтобы их пожирать, и матка вынуждена защищать их с ожесточением. Затем необходимо, чтобы каждый, отделившись от самых опасных пороков, приобрел известное число добродетелей, все более и более тягостных. Работницы шмелей, например, и не думают отказываться от любви, между тем как наша домашняя пчела живет в постоянном целомудрии. Мы, впрочем, скоро увидим все личные блага, от которых она отказывается ради благосостояния, безопасности, архитектурного, экономического и политического совершенства улья, и мы возвратимся к удивительной эволюции перепончатокрылых в главе, посвященной прогрессу рода.

Часть II

РОЙ

I

Итак, пчелы выбранного нами улья стряхнули с себя зимнее оцепенение. Царица снова принялась класть яйца с первых дней февраля. Работницы посетили анемоны, медуницы, золототысячники, фиалки, ивы, орешники... Потом весна овладела землею; амбары и погребя переполнены медом и цветочною пылью. Тысячи пчел рождаются каждый день. Толстые и тяжелые трутни выходят из своих обширных ячеек и бегают по сотам; перенаселение слишком благоденствующего улья становится столь значительным, что вечером сотни запоздавших работниц, возвращаясь от цветов, не находят больше где поместиться и вынуждены проводить ночь у порога, где холод опустошает их ряды.

Всем народом овладевает беспокойство, и старая царица испытывает волнение. Она чувствует, что готовится новый жребий. Она религиозно выполнила свой долг доброй создательницы, и теперь из выполненного долга выходят печаль и несчастье. Ее покою угрожает непобедимая сила; скоро придется покинуть город, где она царствует. А между тем этот город — ее творение, это она сама вся целиком. Она его царица не в том смысле, как это понимаем мы, люди. Она там не дает никаких приказаний, а является в улье подчиненной, наряду с последним из ее подданных, той скрытой, обладающей верховною мудростью силе, которую мы в ожидании того времени, когда сумеем проникнуть

в нее глубже, называем «духом улья». Но она — мать улья и его единственный орган любви. Она его основала в неизвестности и бедности. Она его беспрерывно населяла собственной плотью, и все, кто его оживляет, — работницы, трутни, личинки, куколки, молодые принцессы, будущее рождение которых должно ускорить ее отбытие и одна из которых уже наследует ей в бессмертной мысли рода, — все они вышли из ее недр.

II

«Дух улья»? Где он, в ком он воплощается? Он не похож на собственный инстинкт птицы, которая умеет искусно строить свое гнездо и находить другие небеса, когда наступает день перелета. Он не является тем более особой машинальной привычкой рода, которая слепо стремится только к жизни и всюду наталкивается на случайности, как только непредвиденное обстоятельство расстраивает ряд обычных явлений. Наоборот, этот дух следует шаг за шагом за всемогущими обстоятельствами, подобно разумному и ловкому рабу, который умеет извлечь пользу из самых опасных повелений своего господина.

Он располагает безжалостно, но благоразумно — будто подчиненный какому-то великому долгу — богатствами, счастьем, свободой, жизнью всего крылатого племени. Он день за днем регулирует число рождений и ставит его в точное соотношение с количеством цветов, украшающих луга. Он возвещает царице ее падение или необходимость ее удаления, заставляет ее производить на свет своих соперниц, воспитывает последних по-царски, защищает их против политической ненависти их матерей, позволяет или запрещает — смотря по изобилию разноцветных венчиков, более или менее

поздней поре весны, вероятным опасностям брачного полета, — чтобы перворожденная из девственных принцесс убила в их колыбелях своих молодых сестер, которые поют царскую песнь. В другой раз, когда сезон становится поздним, когда часы благоденствия менее долги, он — чтобы завершить эпоху переворотов и ускорить возобновление работы — приказывает самим работникам предать смерти все царское потомство.

Этот дух осторожен и бережлив, но не скуп. Он, по видимому, знает законы природы, роскошные и немного безрассудные во всем, что касается любви. Поэтому в течение летних дней изобилия он терпит — ввиду того что среди них выберет будущая царица своего возлюбленного — стеснительное присутствие трех или четырех сот трутней, легкомысленных, неловких, бесполезно суетливых, требовательных, совершенно и постыдно праздных, шумных, обжорливых, грубых, нечистоплотных, ненасытных, огромных. Но как только царица оплодотворена, а цветы открываются позже и закрываются раньше, — он в одно прекрасное утро равнодушно издает повеление о всеобщем и одновременном их избиении.

Он регулирует работы каждой из работниц. Смотря по их возрасту, он распределяет обязанности кормилицам, которые ухаживают за личинками и куколками, статс-дамам, пекущимся, не спуская с нее глаз, о царице, вентиляторшам, которые движением своих крыльев проветривают, освежают или согревают улей и ускоряют испарение меда, слишком насыщенного водою; архитекторам, каменщикам, работницам, выделяющим воск скульпторам, которые образуют цепь и строят соты, сборщицам, отправляющимся в поля собирать нектар цветов, который обратится в мед, цветочную пыль, составляющую пищу личинок и куколок, пчелиную смазку, служащую для законопачивания и укрепления построек города, воду и соль, необходимые молодому

Содержание

ЖИЗНЬ ПЧЕЛ

Перевод Н. Минского, Л. Вилькиной

Часть I. На пороге улья	7
Часть II. Рой	23
Часть III. Основание обители	68
Часть IV. Молодые царицы	115
Часть V. Брачный полет	147
Часть VI. Истребление самцов	173
Часть VII. Прогресс рода	180

РАЗУМ ЦВЕТОВ

Перевод Л. Вилькиной

Разум цветов	217
Ароматы	275
Мера часов	282
Тревожность нашей морали	289
Похвала боксу	313
По поводу «Короля Лиры»	319
Боги войны	327
Прощение обид	335
Несчастный случай	342
Наша социальная обязанность	351
Бессмертие	362